

Скорospelова Екатерина Борисовна, Ширяева Ирина Николаевна

"МЕЖДУ ДВУХ СТУЛЬЕВ" Е. КЛЮЕВА КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА-НОНСЕНС

В статье рассматривается одно из наиболее ярких произведений литературной сказки-нонсенса - "Между двух стульев" Е. Ключева. Дается представление об особенностях системы персонажей, сюжетной линии, а также о стилистическом своеобразии данной сказки. Подчеркивается мысль о том, что литература нонсенса преодолевает жизнеподобие, переосмысляет объекты и явления действительности и утверждает важную роль условности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/13.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 59-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phi@gramota.net

Список источников

1. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2010. 248 с.
2. Прищепа В. П. «Щемящей совести строка»: книга о современной литературе Хакасии. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2009. 448 с.
3. Сысолятин Г. Ф. Ключ бытия. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2003. 240 с.
4. Сысолятин Г. Ф. С вершины века. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2000. 396 с.

**FORMATION OF THE POETICS
OF G. F. SYSOLYATIN'S LYRICS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Prishchepa Valerii Pavlovich, Doctor in Philology, Professor
Lomilkin Aleksandr Nikolaevich
Khakass State University named after N. F. Katanov, Abakan
oranta91@mail.ru

The article examines the features of the early military lyrics of the Siberian poet G. F. Sysolyatin, gives an analysis of the works of the Great Patriotic War period. Particular attention is paid to the poet's ideological world, the most frequent motives and images are identified, leading emotional and value orientation of the works is revealed. The article also highlights some aspects of the subject, features of the problem vision, psychological features typical of the early lyrics by G. F. Sysolyatin. As an investigative task the authors attempt to evaluate the contribution of early Sysolyatin to the front poetry of those years, to show the specificity, the uniqueness of his view of the world.

Key words and phrases: G. F. Sysolyatin; military lyrics; front poetry; ideological world; motives and images; pathos; author's ideal; problem vision.

УДК 8; 82.0

В статье рассматривается одно из наиболее ярких произведений литературной сказки-нонсенса – «Между двух стульев» Е. Клюева. Дается представление об особенностях системы персонажей, сюжетной линии, а также о стилистическом своеобразии данной сказки. Подчеркивается мысль о том, что литература нонсенса преодолевает жизнеподобие, переосмысляет объекты и явления действительности и утверждает важную роль условности.

Ключевые слова и фразы: литературная сказка; сказка-нонсенс; Е. Клюев; языковая игра; художественные приемы; система персонажей.

Скороспелова Екатерина Борисовна, д. филол. н., профессор
Ширяева Ирина Николаевна
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Skorospelova@gmail.com; axmell@yandex.ru

«МЕЖДУ ДВУХ СТУЛЬЕВ» Е. КЛЮЕВА КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА-НОНСЕНС

«Между двух стульев» Е. Клюева занимает особое место в литературе нонсенса. Это литературная сказка-нонсенс, и на ее примере мы попытаемся показать своеобразие данного жанра, связанного как с фольклором, так и с традицией модерна и авангарда в искусстве XX века.

Система персонажей в тексте Е. Клюева носит интертекстуальный характер; в нее входят в переосмысленном виде архетипы сказочного мира (Соловей-Разбойник – Муравей-разбойник; Кошей Бессмертный – Воще Бессмертный; Тридевятая Цаца, обязанная своим именем Тридевятиному государству), герои литературных сказок (Снежная королева – Смежная Королева; Спящая красавица – Спящая Уродина; Оле Лукояе – Ой ли-Лукой ли) и произведений мировой литературы (Дон Жуан – Бон Жуан; Гулливер и лилипуты – Гуллипут; Кармен – Шармен и др.).

Уже на уровне названия персонажей проявляется активная авторская воля, характерная для литературной сказки, а использование в наименованиях каламбуров придает «Между двух стульев» характер нонсенса, который направлен на утверждение своей значимости как начала, преодолевающего жизнеподобие и утверждающего важную роль условности.

Что общего имеет пространство, построенное на основе «полного крушения жизненного Опыта и Здравого Смысла» [4], с пространством сказки?

По словам И. П. Лупановой, для сказки характерна растворенность чуда: «сказочные чудеса не осознаются сказочными персонажами как нечто ирреальное. Они – норма сказочного мира. Они никого не удивляют. <...> Именно это отношение к чуду как к норме и создает у слушателя (читателя) народной сказки ощущение единства изображенного в ней мира, обладающего “волшебной реальностью”» [5, с. 80]. Это связано с тем, как она далее поясняет, что сказка направлена в первую очередь на решение нравственных вопросов, для чего она создает «идеальный мир, где побеждает благородство, доброта и бескорыстие» [Там же, с. 81], в котором чудо является лишь приемом создания такого мира (не самоцелью). Очень важно, чтобы слушатель (читатель) верил в происходящее, а для этого необходимо присутствие в рассказе того, что ему хорошо знакомо –

бытовых деталей, описаний, то есть того, что сближает сказку с реальностью и создает т.н. «иллюзию достоверности». Такая иллюзия достоверности и растворенность чуда становятся, по мнению исследовательницы, специфической чертой как фольклорной сказки, так и литературной. На наш взгляд, можно лишь отчасти принять эту позицию, поскольку появление психологизма в литературной сказке отразилось на функции и на способе введения «чуда» в ее пространство и на отношении главных героев к нему. Известно несколько литературных сказок, в которых «другой», «чужой» мир становится оппозицией миру привычному. В произведении Е. Клюева возникает именно такой оппозиционный по отношению к реальности мир, создатель которого ведет игру с объектами и явлениями действительности, переосмысляет их, трагедизирует, переворачивает, создавая антимир. При создании своего антимира автор не избегает использования и сказочного архаича героя, и сказочной ситуации, трансформируя их.

Обычно в качестве главного героя в сказке выступает молодой человек, наивный и открытый для познания мира, в который попадает. В отличие от него, у Е. Клюева центром повествования становится хотя и молодой человек, но уже обладающий системой стереотипов, характерных для современного общества. Его и отправляет Клюев в неожиданное путешествие.

В. Я. Пропп замечает, что в некоторых волшебных сказках героя заставляет отправиться в путь какая-то нужда, например, отсутствие невесты [7, с. 36]. В сказке «Между двух стульев» похожий мотив используется в видоизмененном виде. Автор наделяет героя серьезной необходимостью, которая носит не материальный, а психологический характер, суть которого выясняется в ходе путешествия. Впрочем, Петропавел этой своей нужде не замечает, а потому добровольно в такое приключение он бы ни за что не отправился – лишь воля автора (с точки зрения читателя) и воля случая (с точки зрения Петропавла) заставляют его очутиться в другом измерении.

Как и сказочный главный герой, Петропавел проходит своего рода инициацию: «герой должен пройти обряд, представляющий собой дорогу через “дремучий лес” или переход границы между миром живых и миром мертвых» [1, с. 228]. В сказочном произведении преграды на пути героя носят внешний характер – это могут быть природные препятствия в виде гор, лесов, океана; встреча с хранителями иного мира – Бабой-Ягой, Кощеем Бессмертным и т.д. В любом случае это то, что влияет на внешние события, руководит действиями персонажей без упоминания и описания их психологического состояния и происходящих с ними изменений. Петропавел в самом общем смысле повторяет путь главного сказочного героя, но попадает из знакомой и понятной ему действительности (воплощением ее становится комната, по которой ходят родные люди и расставляют к обеду стулья и в которой звучит музыка настенных часов) в совершенно иное пространство, характеризующееся высшей степенью алогичности, к пониманию которой герой пытается применить свой круг стереотипов. В связи с этим стоит вспомнить название произведения Е. Клюева, которое ассоциируется с фразеологизмом «сидеть между двух стульев». Данный фразеологизм означает «занимать неопределенную позицию, склоняться одновременно к двум противоположным точкам зрения; угождать обеим противостоящим сторонам» [9]. Именно в такой ситуации оказывается Петропавел.

Пространство антимира заселено существами, которые олицетворяют собой ряд философских и лингвистических постулатов, представляя аллюзии на героев фольклорных и литературных сказок, персонажей известных литературных произведений.

Так, Смежная Королева – один из наиболее экстравагантных героев произведения – олицетворяет принцип смежности. Смежность – это состояние близкого соседства двух и более явлений, это своего рода граница, позволяющая охватывать сразу две стороны явления: «Весь балдеж именно в том, чтобы пребывать на границе, когда в поле твоего зрения – сразу обе стороны: два государства, две идеи, а образ, который при этом создается в воображении, – один! – и это образ границы» [3, с. 105]. О своей сущности Смежная Королева говорит следующее: «Сама я – олицетворение смежности. Я есть переход от сущего к должному... Или наоборот» [Там же, с. 104]. Категории сущего и должного в философии являются смежными понятиями. Если должное – это некий универсальный идеал, к которому стремится человек, то сущее – это «мир эмпирической реальности, в котором живет человек, исповедующий должное» [10].

Смежная Королева, как и другие персонажи, высмеивает односторонность человеческих суждений и отсутствие желания жить интересно – то есть не по правилам, – тем самым убивая в себе и других творческое начало.

Еще одним любопытным примером может служить встреча Петропавла с Бон Жуаном. В нем угадываются черты всем известного героя-любовника Дон Жуана. Первая ассоциация, возникающая в связи с упоминанием Дон Жуана, носит нравственный характер, а именно – вспоминается его страсть к женщинам, склонность к распутству и непостоянству. Эта сторона присутствует и в образе Бон Жуана, правда, в несколько гипертрофированном виде – Бон Жуана интересуют только представительницы женского пола. Впрочем, увидев Петропавла, Бон Жуан на некоторое время поступает своим правилом и вступает с ним в разговор. Характер Дон Жуана определяется преимущественно «триадой качеств завоевателя, художника и философа» [6], что позволяет говорить о философском начале – он видит наслаждение в преодолении препятствий, у него хорошо развито воображение и чувство прекрасного. Именно эти принципы ложатся в основу мировоззрения Бон Жуана, который отвергает идею о невозможности описывать объекты или явления, которых нет. Если в понимании Петропавла быть убежденным в том, что, например, король Франции лыс (в то время как во Франции вообще нет короля) бессмысленно (а потому затруднительно), то в понимании Бон Жуана это «самое милое дело» [3, с. 12], ведь куда интереснее умение видеть возможную судьбу различных вещей: «По-вашему, получается, строить предположения можно только по поводу того, что есть? Но если это и так уже есть – какой смысл строить предположение?» – для наглядности Бон Жуан отрывает от своих сапог шпору

и выбрасывает их – лишь после этого можно строить предположения о том, «что могло бы быть на освободившемся месте» [Там же, с. 13] – как раз в этом и проявляется творческая жилка. Таким образом, Бон Жуан является воплощением способности к воображению.

Петропавлу сложно отказаться от своих убеждений, поэтому то, о чем говорит Бон Жуан, кажется ему чистым сумасшествием: «По-моему, тут все сумасшедшие» [Там же, с. 16]. Данная встреча знаменует собой лишь начало длинного пути сознания главного героя, потому говорить о каких-либо существенных изменениях в нем рано.

Главный герой «Между двух стульев» поочередно знакомится с жителями новой для него реальности, и те становятся для Петропавла учителями и воспитателями. По сути, Петропавел попадает в Школу нон-сенса, где в конце он должен удостоиться Аттестата Странности [Там же, с. 118], но перед этим должен пройти испытание, ощутив на себе зыбкость понятий «прочность» и «привычность». Это напоминает жанр романа-воспитания с той оговоркой, что герой традиционного романа-воспитания проходит через испытания дружбой, любовью, верностью и совершенствуется духовно и нравственно, в случае же с Петропавлом происходят по большей части интеллектуальные изменения.

Столкновение со страной, кажущейся бессмыслицей, обнаруживает характер присущих Петропавлу недостатков, выраженный в повести эксплицитно в монологе Ой ли-Лукой ли, который подвергает анализу личностные качества Петропавла, в частности, говорит о его глупости, вкладывая в это понятие ряд проявлений ограниченности, характерных для восприятия главного героя. Он, по словам Ой ли-Лукой ли, способен только констатировать и начисто лишен возможности предполагать что-либо [Там же, с. 88]. У него отсутствуют фантазия, творческая интуиция и представление о возможных мирах; он не может самостоятельно развить ни одной мысли, не хочет знать о многообразии жизни, он убого серьезно. Именно глупость и никчемная отага Петропавла дают ему возможность стать тем, кто поцелует Спящую Уродину и пробудит ее ото сна.

Что подразумевается под Спящей Уродиной? Уж не Россия ли? И кто ее может разбудить? Только тот, кто не имеет никакого представления о том, что она собой представляет и к чему приводит ее пробуждение?

Помимо сказанного, важно понимать, что должный эффект литература нонсенса производит благодаря своему стилистическому своеобразие. Важнейшее место в ней занимает языковая игра, которая проявляется на различных уровнях и может приводить к смещениям, приводящим к иному видению языка, – помимо практического применения (коммуникативного), он способен стать инструментом для создания целого полотна оригинальных ассоциаций и образов.

Е. Клюев использует огромный набор приемов языковой игры, включая знаменитый прием «словобумажники», придуманный Л. Кэрролом, семантические столкновения, каламбуры, обыгрывание известных произведений, реализацию метафор, графическую игру. Ниже мы приведем наиболее интересные примеры языковой игры в сказке-нонсенс «Между двух стульев».

1. Семантическое столкновение, то есть употребление в одном контексте единиц, противоречащих друг другу по смыслу, что приводит к созданию нелепых ситуаций: «страшной доброты» [Там же, с. 150], «богатырский пописк» [Там же, с. 24], «он скромен так, что производит впечатление наглого» [Там же, с. 86], «одновременно очень большой и очень маленький» [Там же], «Это очень смешно, – без тени улыбки закончило Белое Безмозглое» [Там же, с. 31].

2. Алогизм – наиболее распространенная стилистическая фигура, представляющая собой нарушение логических связей.

Практически весь текст Е. Клюева построен на принципе алогизма, принимающем разные формы воплощения.

Наиболее часто встречается несоответствие обозначаемого и обозначающего: «Тот [Петропавел] поднял шишку и удивился ей: дерево, на котором сидел старичок, было березой» [Там же, с. 19].

Кроме того, встречаются алогизмы, основанные на смешении времен и логической последовательности описываемых событий; искажении качеств предметов или людей; конфликте представлений – этот прием ломает стереотипное мышление и, как правило, ставит одного из участников действия или разговора в тупик.

3. Реализация фразеологизма. Преобразование фразеологизмов возможно по причине «сохранения у фразеологизмов внутренней формы (т.е. исходного буквального смысла), их раздельнооформленности и относительной устойчивости» [2].

Буквальное понимание фразеологизмов ломает традиционные представления о тех или иных бытовых понятиях, что, с одной стороны, приводит читателя в замешательство, а с другой – открывает автору широкие возможности для игры с сознанием читателя. Например, реализация фразеологизма «голова идет кругом» появляется в связи с очередным превращением Пластилина Мира – на этот раз в старушку: «– Я тут связала Вам спортивный костюм, наденьте... В глазах пестрит от Ваших лохмотьев. Просто голова кругом идет! – Она отделила голову от тела и бросила ее в угол» [3, с. 53].

Другим примером может служить реализация фразеологизма-метафоры, который становится основой сюжетной ситуации. В главе «До и после бревна» реализуется фразеологизм: «замечать в чужом глазу соринку, а в своем и бревна не видеть»: в определенный момент у Петропавла из глаза выпадает бревно, после чего он «видел мир совсем не так, как прежде» [Там же, с. 153], здесь подразумевается начало преобразования внутреннего мира Петропавла.

4. Повторы – общекомический прием, в литературе нонсенса используется достаточно часто. Повторяющаяся единица «выступает как скрепа – выразитель единичного значения, усиливающего единство текстового ряда и подчеркивающего звуковую организацию» [8, с. 43]: «Существующее существует ценою несуществующего... несуществующее займет место существующего и будет существовать» [3, с. 15].

5. Семантическая контаминация – склеивание двух или более слов. Пример: сломомоська (слон + моська), Петропавел (Петр + Павел).

6. В числе синтаксических особенностей нонсенса – фраземные контаминации, которые в определенном смысле напоминают прием реализации фразеологизмов: «Любопытной Барбаре нос в походе оторвали» [Там же, с. 19]; «Не велика пицца» [Там же]; «Сколько волка ни кори» [Там же, с. 21]; «мозгов полон рот» [Там же, с. 30]; «злоба – не воробей: выпустишь – не поймаешь» [Там же, с. 34] и др.

Мы привели лишь малую часть примеров языковой игры в произведении «Между двух стульев», список можно продолжить достаточно долго.

В сказке Е. Клюева скрывается особая логическая система, а за видимым планом кроется глубокая и обоснованная идея. Речь идет о развитии творческого потенциала, о необходимости преодоления связывающей мышление человека системы стереотипов. Только переступив круг установленных представлений, можно научиться по-настоящему воспринимать окружающий мир.

Список источников

1. Брейгер Ю. М. Испытание героя в русских и французских сказках: лингвосомиотический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 228-232.
2. Вакуров В. Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/rr/28_358 (дата обращения: 25.03.2017).
3. Клюев Е. Между двух стульев. М.: Время, 2014. 319 с.
4. Клюев Е. Между двух стульев [Электронный ресурс]. М.: Педагогика, 1988. URL: <http://lib.ru/PSIHO/klyuew.txt> (дата обращения: 20.05.2017).
5. Лупанова И. П. Современная литературная сказка и ее критики // Проблемы детской литературы. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1981. С. 76-90.
6. Марсель Б. Вечная загадка Дон Жуана, или Секрет эротического успеха [Электронный ресурс] / пер. с нем. URL: <http://heatpsy.narod.ru/zdj.html> (дата обращения: 25.03.2017).
7. Пропп В. Я. Морфология сказки. М.: Наука, 1969. 168 с.
8. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
9. Сидеть между двух стульев [Электронный ресурс]. URL: http://phraseology.academic.ru/11534/Сидеть_между_двух_стульев (дата обращения: 25.03.2017).
10. Яковенко И. Диктат идеала [Электронный ресурс] // Дружба Народов. 2001. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2001/4/yak.html> (дата обращения: 25.03.2017).

E. KLYUEV'S "BETWEEN TWO CHAIRS" AS A LITERARY FAIRY TALE- NONSENSE

Skorospelova Ekaterina Borisovna, Doctor in Philology, Professor
Shiryayeva Irina Nikolaevna
Lomonosov Moscow State University
Skorospelova@gmail.com; axmell@yandex.ru

In the article one of the most striking works of the literary fairy tale-nonsense – “Between Two Chairs” by E. Klyuev – is considered. An idea is given about the features of the characters system, the story line and also about the stylistic originality of this fairy tale. It is emphasized that the literature of nonsense overcomes life-likeness, reinterprets the objects and phenomena of the reality and also affirms the important role of convention.

Key words and phrases: literary fairy tale; fairy tale-nonsense; E. Klyuev; language game; artistic techniques; characters system.

УДК 808.1; 82-3

В статье рассматривается художественный мир О. де Бальзака в контексте теории проницаемости границ художественного и биографического текстов, где произведения писателя, с одной стороны, отражают жизненные обстоятельства, с другой – являются частью авторского мифа. «Человеческая комедия» представлена автором статьи как текст созданного бальзаковского автомифа. Роман «Евгения Гранде» исследуется в аспекте житнетворческой стратегии писателя, которая раскрывается на персонажном и сюжетно-композиционном уровнях текста. В работе обосновывается положение о том, что персонажи романа – это художественная сублимация писателя в постоянном конфликте желаний и возможностей.

Ключевые слова и фразы: Бальзак О. де; роман «Евгения Гранде»; реализм; творческие стратегии; поэтика текста; житнетворчество; мифотворчество.

Стенина Виктория Фёдоровна, к. филол. н., доцент
Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, г. Барнаул
steninavf@rambler.ru

РОМАН «ЕВГЕНИЯ ГРАНДЕ»: ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО И МИФОТВОРЧЕСТВО БАЛЬЗАКА

Продолжая романтические традиции, Оноре де Бальзак, которого по праву считают представителем реалистической школы, большую часть жизни занимается житнетворчеством и мифотворчеством, полагая